

Социально-философская экспликация больших цивилизационных вызовов

© И.В. Пржиленский

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, 125167, Россия

Рассмотрено понятие большого вызова, которое в современном социально-культурном контексте стало термином, получившим законодательное закрепление в документах национального стратегического планирования. Отмечено, что истоки и развитие парадигмы стратегического планирования на национальном и цивилизационном уровнях связаны с ответом на большие вызовы. Парадигма больших вызовов позволяет не только определять стоящие перед социумом угрозы, но и направлять историческую динамику модернизационных процессов на преобразование общества. Проанализированы концептуальные подходы к философской экспликации понятия большого вызова, их место в социальных, исторических и политических концепциях. Исследована одна из предложенных А. Тойнби концепций, позволившая некоторым авторам назвать открытую им зависимость законом вызова и ответа, так как она дает возможность ответить на вопрос, почему цивилизации выживают в трудных условиях и активно развиваются, а затем приходят в упадок и гибнут. Отмечено, что в настоящее время бурное развитие цифровой техники привело к появлению не только виртуальной реальности, но и целого комплекса проблем, возникающих при ее взаимодействии с реальностью действительной. Приведен ряд перспективных прогнозов развития мирового порядка, из которых можно сделать вывод об актуальности для современной российской философской мысли рефлексии конкретных вызовов с целью дальнейшей экспертной дискуссии о национальном развитии. То место, которое Россия займет в формирующемся миропорядке, будет напрямую зависеть от возможности выявить, оценить, описать и реализовать ответные меры на большие вызовы как природного, так и антропогенного характера.

Ключевые слова: большой вызов, цивилизация, стратегическое развитие, конфликт цивилизаций, вызов и ответ, цифровизация

Понятие большого вызова обрело особую актуальность в последнее десятилетие. Причиной тому стало невиданное прежде ускорение социальных, политических, экономических и культурных процессов. Чем стремительнее развивается общество, чем быстрее трансформируются его подсистемы, институты, ценности, тем сложнее своевременно распознать действительно новые явления, а также оценить масштаб и направленность их влияния. Все, что требует реагирования и предполагает необходимость прикладывать при этом усилия, может рассматриваться как вызов. Но какой вызов может быть отнесен к разряду больших? Угрожающий стабильности или даже самому

существованию государства? Или тот, для реагирования на который должно быть привлечено большое число людей? В первом случае имеются в виду война, революция или грандиозное стихийное бедствие, а во втором большим вызовом можно назвать эпидемию, противодействие которой выражается в проведении экстраординарных мероприятий управленческого типа вроде ввода карантина, локдауна, массовой вакцинации.

Ответ на поставленный выше вопрос можно найти в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: «Большие вызовы — это объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения объема используемых ресурсов» [1].

Термин «большие вызовы» вошел в научный оборот в его современном значении благодаря новой актуализации исторического знания в контексте рассмотрения перспектив социально-экономического и социально-технологического развития. Понятие вызова стало употребляться как синоним понятия проблемы, стоящей перед обществом в его стремлении не утратить, а по возможности нарастить конкурентные преимущества как в сфере технических инноваций, так и в области административно-управленческой деятельности. Причиной того, почему в первые десятилетия XXI в. историко-цивилизационная рефлексия добавилась к футурологическому проектированию и социальному прогнозированию, видимо, является особенность современного этапа развития науки и техники, а также стремительно усложняющиеся отношения между наукой, техникой и обществом.

Слово «вызов» необычайно быстро превратилось в философское понятие, заняв одно из центральных мест в современном философском, социогуманитарном и политическом дискурсе. Филологи, отмечая многозначность слова, видят в одном из его значений не что иное, как «вызов на дуэль (на поединок), объявленное стремление вступить в конфликт, требующее ответа» [2]. Поэты, писатели и литературные критики давно видели в словосочетании «вызов времени» чрезвычайно плодотворную метафору, но в общественные и политические науки понятие вызова пришло из английского языка. Как отмечает И.Б. Левонтина, «это калька с английского “challenge” — одного из самых ярких английских слов, которого нет в русском языке — во всяком случае, до недавнего времени не было. Буквально оно означает “вызов”, однако имеет гораздо более широкое значение. Слово “challenge” описывает, в частности, следующую ситуацию. Человек берется за выполнение какой-то трудной задачи, на пределе или даже за пределами своих профессиональных или иных возможностей, и трудность задачи подстегивает его, заставляет превзойти самого себя» [3, с. 13]. Таким

образом, в семантике понятия challenge можно выявить не только угрозу, но и шанс, не только ощущение опасности, но и надежду на то, что после ее успешного отражения принявший вызов получит новые знания, станет сильнее, опытнее, богаче и т. п.

Подчеркивая особенности значения английского слова и его отличие от русского слова «вызов», И.Б. Левонтина отмечает, что невозможно представить себе россиянина, который назвал бы решение руководства о его назначении на более высокую должность вызовом. Между тем именно слово challenge употребляют англичане и американцы, видя в новом назначении вновь открывающиеся возможности. Все это позволяет И.Б. Левонтиной писать о сопровождающем данное слово азарте и вкусе к жизни, а также о его восхитительной эмоциональной тональности, свидетельствующей о повышении уровня адреналина в крови.

О том, что понятие вызова в американской культуре и ментальности отражает присущие им ценности индивидуализма, также заявил российский лингвист В.И. Карасик. По его мнению, само осознание ситуации вызова и сопутствующие ему ощущения и переживания свидетельствуют о том, что вызов брошен именно ему и ответить на обращенную к нему угрозу индивид должен сам, не прибегая к чьей-то помощи и не обращаясь к кому-либо за советом. «Концепт “challenge”, — пишет В.И. Карасик, — относится к числу этноспецифичных концептов-регулятивов в лингвокультуре США, он неразрывно связан с ключевыми ценностями американской культуры — концептами “свобода”, “равенство”, “энергичность”. Этот концепт дает моральную ориентацию поведения в ситуации враждебного или игрового противостояния, содержит импликации испытаний и успеха, подчеркивает необходимость индивидуальных усилий и определяет позицию деятеля, направляющего свою судьбу» [4, с. 51].

С представленной выше позицией не согласен П.В. Шакин, обращающий внимание на то, что сфера использования понятия вызова — политика и экономика — совсем не предполагает обращения к тематике индивидуального действия или межиндивидуального взаимодействия [5]. К этой точке зрения хотелось бы присоединиться хотя бы по той причине, что распространенным данный термин стал во многом благодаря популярности в современной российской философии, политологии и истории концепции А. Тойнби. А в теоретических построениях британского историка не найдено ничего даже отдаленно напоминающего проблематику индивидуализма или индивидуализации. Тойнби пишет о вызовах, адресатами которых выступают не индивиды, а целые цивилизации, т. е. нации, этносы, социумы, обладающие уникальными и неповторимыми чертами. Имеющие способность сохранять идентичность в пространстве и во времени цивилизации сталкиваются с вызовами со стороны природы или соседей. Эти вызовы

могут, согласно концепции Тойнби, стать причиной гибели рассматриваемой цивилизации, если она не смогла найти на них эффективный ответ. Вслед за Данилевским и Шпенглером Тойнби рассматривает цивилизацию как биологический вид, успешность выживания которого зависит от адаптации к внешней среде обитания. Отдельно от цивилизации рассматривается культура, т. е. все то, что создано человеком в процессе материального производства, а также в сфере идей, произведений искусства и иных художественных ценностей. Тойнби убежден, что именно культура определяет способность цивилизации искать и находить ответы на вызовы.

Тойнби предпринял попытку собрать огромное количество исторических фактов о разных эпохах и регионах земли с единственной целью. Его интересовал ответ на вопрос, почему все известные великие цивилизации прошлого вначале рождаются и развиваются, а затем деградируют и гибнут. При этом он последовательно отверг традиционные объяснения, связанные с понятиями внешнего окружения, расы, типа устройства власти, климата или доступа к природным ресурсам, и предложил рассмотреть основной причиной то, что позднее назовут законом вызова и ответа (*Challenge and response*). Вызовом Тойнби называл такое изменение внешних условий, которое несло угрозу устоявшимся формам жизни и ставило под вопрос их сохранение. А под ответом британский историк понимал действия, предпринятые обществом и его элитой, способные справиться с новой ситуацией и предотвратить негативное развитие событий.

Для того чтобы цивилизация находила ответы на вызовы, необходимо обратиться к вопросу о том, кто именно будет готов к этому в каждом конкретном случае, а также о том, кто является субъектом действия. Идет ли речь об элите, или об элитах, или даже о контрэлитах? Или к вызову оказываются готовы люди, прежде незаметные и до поры до времени ничем не выделяющиеся из большинства? «Термины “вызов” и “ответ”, — отмечают Ю. Шмандт, О.К.Х. Уорд, — Тойнби использовал для обозначения серьезных угроз и действий, влияющих на благосостояние всего населения. “Вызов” угрожал самому выживанию существующей системы. “Ответ” варьировался от бездействия до серьезных изменений в условиях жизни как отдельных людей, так и группы. Он мог включать в себя новые технологии, социальную организацию, экономическую деятельность или сочетание различных факторов. “Ответ” никогда не был заранее предсказуемым, и его результат можно было узнать только со временем. Это был риск, на который шли люди, и который приводил к успеху или неудаче» [6, р. 1].

Концепция А. Тойнби стала чрезвычайно популярной благодаря той легкости, с которой британский историк оперировал большими историческими эпохами с их яркими и пробуждающими интерес

приключениями древних или средневековых империй, причисляемых потомками и современниками к разряду великих. Так, в работах Тойнби рассматриваются цивилизации Анд и Древней Греции, Вавилона и Древнего Египта, Византии и России. Каждой из перечисленных цивилизаций удалось найти успешный ответ, хотя они оказались перед совершенно различными вызовами. Тойнби подразделяет все вызовы на природные и человеческие. К первым — природным — отнесены суровый климат или неожиданные быстрые климатические изменения, резко преобразующие условия адаптации и развития. А ко вторым — человеческим — в данной концепции относятся вторжения иноземцев или деградация и разложение цивилизаций, граничащих с рассматриваемой. В последнем случае, по мнению Тойнби, бедственное положение соседей приводит к «расслаблению» цивилизации, что также следует рассматривать как вызов. Здесь в полной мере работает аналогия с биологическим миром, где вызовами можно считать неспособность адаптироваться к внешним природным условиям, наличие слишком сильных естественных врагов или, наоборот, их полное отсутствие. Биологи давно обнаружили, что исчезновение хищников пагубно влияет на популяции травоядных, которые были естественным объектом их охоты, ибо они теряют конкурентоспособность и исключаются из сферы действия законов естественного отбора.

Концепция А. Тойнби позволила некоторым исследователям назвать открытую им взаимосвязь законом вызова и ответа — именно она помогает ответить на вопрос о том, почему культуры выживают в трудных условиях и активно развиваются, а затем приходят в упадок и гибнут. Автор рассматриваемой здесь концепции, как и большинство его современников, находился в начале XX в. под сильным впечатлением от Первой мировой войны, ее масштабов и принесенных ею страданий и бедствий. Переживания молодого историка резко контрастировали с довоенным оптимизмом, что заставило его искать аналогии в далеком прошлом. И, по собственному признанию А. Тойнби, он «был потрясен параллелями между опытом его собственного общества, выпавшим на время его жизни, и опытом эллинского общества, исследование которого стало основой его образования. Это поставило в его сознании такие вопросы: почему цивилизации умирают? Уготована ли и современному Западу судьба эллинской цивилизации?» [7, с. 857]. Полученные Тойнби аналогии были распространены на другие известные цивилизации, и поиск закономерностей их жизни позволил выделить для анализа в «Исследовании истории» двадцать одну цивилизацию. Его выбор не мог не подвергаться сомнению и справедливой критике. Л.Н. Гумилев посвятил критическому разбору примеров А. Тойнби специальную главу в работе «Этногенез

и биосфера Земли», по сути, предложив альтернативу, которая, тем не менее, наследовала способ постановки проблем, хотя основывалась на иных методологических принципах [8].

Для чего понадобилось современным историкам изучать не отдельные истории, а общую историю — историю взаимосвязанностей? Видимо, причина в том, что исторические науки в отдельных странах, показывавшие пути развития отдельных государств, народов и этносов, совершенно не соответствуют современности. Нужна единая история, где одни и те же события не трактуются различным образом. Например, необходима единая точка зрения на событие, которое в одной национальной истории трактуется как победа, в другой — неизбежно наделяется статусом поражения. Глобализация может опираться либо на космополитизм, либо на европоцентризм, и оба эти мировоззрения с неизбежностью ставят на повестку дня вопрос о единой истории. «Помимо исторических штудий в экономической сфере, — отмечает М. Берг, — сравнительная история практически уступила место исследованиям взаимосвязанности, космополитизма и пересеченности, а теперь и эйкумены, понятий, на которые часто ссылаются и которые так же часто остаются неопределенными. Однако мы быстро переходим к новой стадии, когда глобальное и транснациональное взяли верх над тем, на чем остановилась империя» [9, р. 10].

Понятие большого вызова чаще всего фигурирует в специальной литературе при обсуждении вопросов стратегического планирования. В.В. Иванов и Г.Г. Малинецкий публикуют статью, в которой с позиции цивилизационного подхода анализируют большие вызовы, рожденные гуманитарно-технологической революцией. По их мнению, источником этих вызовов является превращение финансовой глобализации в вестернизацию и, как ее следствие, соперничество «сверхцивилизаций», каждая из которых рождает собственные «смыслы, ценности, проекты будущего». Иванов и Малинецкий убеждены в том, что главной особенностью современной межцивилизационной конкуренции стал фон, рождаемый научно-технологической революцией последнего десятилетия, чаще всего именуемой цифровизацией. Бурное развитие цифровой техники привело к появлению не только виртуальной реальности, но и целого комплекса проблем, возникающих при ее взаимодействии с реальностью действительной. Более того, в разных цивилизациях, видимо, по-разному будет протекать конфликт между подлинной и виртуальной реальностями. «Сегодня, — пишут Иванов и Малинецкий, — мы имеем дело не столько с экономическими, сколько с социально-психологическими и технологическими проблемами, с формированием новой культуры. Будущее определится тем, как они будут решаться в ближайшие десятилетия. Понимание происходящих

процессов тем более необходимо, что лидирующие позиции в новом мировом укладе займут страны, которые смогут творчески осмыслить происходящее и сделать соответствующие выводы. В противном случае они рискуют остаться аутсайдерами или вообще исчезнуть с карты мира, как это уже бывало в истории» [10, с. 4].

Иванов и Малинецкий делают прогноз нового цивилизационного расслоения мира, в результате чего все страны могут разделиться на три категории. Первую группу составят государства, системы фундаментальной науки и образования которых займут лидирующие позиции, а научно-технологический комплекс и элитная культура обеспечат высокое качество жизни населения. Они будут вести конкуренцию не в сфере оружия и экономики — лидерство будет проявляться в способности обеспечить гражданам наиболее высокий уровень жизни. Эти страны можно назвать постиндустриальными.

Вторую категорию стран составят «индустриальные доноры» — их хозяйственно-экономические комплексы смогут обеспечить применение технологий, разрабатываемых в постиндустриальных странах. Население этих стран будет соответствовать стандартам общества потребления, а промышленность и образование будут выполнять прикладную функцию. Третья категория стран — «ресурсные доноры». Их функцией являются добыча и экспорт полезных ископаемых в страны первой и второй категорий. Для населения стран третьей категории в странах первой категории создается массовая культура, обеспечивающая досуг. «Экономического сотрудничества и взаимовыгодной торговли, — утверждают Иванов и Малинецкий, — как показывает история новой России, для сборки стратегического субъекта такого уровня явно недостаточно. Без собственной научно обоснованной идеологии и системы образования, которая транслирует ее в будущее и воспитывает граждан в этом духе, без своего самостоятельного научного, культурного, образовательного, технологического пространства, в котором можно решать актуальные проблемы развития, Россия достаточно быстро превратится в поле соперничества других цивилизаций» [10, с. 4].

В представленной статье, за которой просматриваются контуры авторской концепции, само понятие большого вызова трактуется в духе А. Тойнби. Для английского историка очевидно, что любое общество перманентно сталкивается с вызовами разных масштабов. И отвечает на них, ставя перед различными государственными структурами и службами соответствующие задачи [11]. Вполне естественно стремление дать на военный вызов военный ответ, а на экономический — экономический. Не надо доказывать, что для сильной армии необходима сильная экономика, не менее сильная наука и соответствующее им образование [12]. Хорошо просматривается

обратная связь — сильная армия способна защитить интересы национальной экономики. Но одного лишь стремления неуклонно повышать обороноспособность армии или увеличивать эффективность и конкурентоспособность экономики может оказаться недостаточно в случае, когда действенной реакцией на брошенный вызов является изменение институционального и культурного типа общества, внутреннего мира человека, системы ценностей и даже государственного устройства [13]. Причем все эти изменения не должны означать разрушение, уничтожение или отбрасывание. Динамика не должна отменять системность, обеспечивающую транзит, позволяющий сохранить сущность, а не формальные стороны явления [14]. Когда Иванов и Малинецкий указывают на стратегическую неэффективность тактически эффективного «экономического сотрудничества и взаимовыгодной торговли», они подтверждают тезис о том, что для ответа на большой вызов недостаточно простого увеличения ресурсов [15]. Но и простое сохранение «своего самостоятельного научного, культурного, образовательного, технологического пространства» не представляется возможным без его изменения [16]. Важно лишь, чтобы изменения не задавались извне и не управлялись внешними по отношению к данной цивилизации «интересантами». В противном случае ответом на большой вызов может стать цивилизационная стагнация и даже поглощение другими, более успешными цивилизациями.

Подводя итог вышеизложенному, нужно отметить, что в рамках концепции «вызова и ответа» А. Тойнби есть основания рассматривать текущую политику национальных элит, в том числе российских, как поиск стратегического пути к изменению, целью которого может являться в том числе сохранение собственной культурной идентичности.

Теории информационного или индустриального общества второй половины XX в. строились исходя из опыта реализации научно-технических проектов прежде всего странами Западной Европы и Северной Америки, когда в качестве единственной альтернативы выступали Советский Союз и его сателлиты. Технические инновации рождались и внедрялись ради роста капиталистического производства, а соревнование с социалистическими странами хотя и приводило к гонке вооружений, совершенно не затрагивало темы сложности и многополярности мира [17]. Сегодня ситуация качественно иная во многом благодаря многополярности современного мироустройства. Доля экономики США и стран Евросоюза неуклонно снижается, а вес Китая, Индии, России, Латинской Америки и исламских стран так же неуклонно растет — в расчет приходится брать цивилизационные особенности каждой. Но культурная специфика каждого субъекта здесь интересна не сама по себе, а прежде всего как фактор геополитической, социально-экономической и научно-технологической

футурологии. Разумеется, катализатором столь радикальной смены контекста выступила глобализация. Она сделала неизбежным запрос на единую, вернее, объединенную или общую историю.

Исходя из описанных выше прогнозов развития мирового порядка, можно сделать вывод о несомненной актуальности для современной российской философской мысли рефлексии конкретных вызовов с целью дальнейшей экспертной дискуссии о национальном развитии. То место, которое Россия займет в формирующемся миропорядке, будет напрямую зависеть от возможности выявить, оценить, описать и реализовать ответные меры на большие вызовы как природного, так и антропогенного происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». *Гарант*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (дата обращения 10.09.2025).
- [2] Апресян Ю.Д., ред. *Активный словарь современного русского языка. В 3 т. Т. 2*. Москва, Языки славянской культуры, 2014, с. 419.
- [3] Левонтина И.Б. *Русский со словарем*. Москва, Азбуковник, 2010, 368 с.
- [4] Карасик В.И. *Языковые ключи*. Волгоград, Парадигма, 2007, 520 с.
- [5] Шакин П.В. Лексема вызов в современном русском языке: расширение семантической структуры. *Известия Уральского федерального университета*, 2018, № 3, с. 125–135.
- [6] Schmandt J., Ward C.H. Challenge and response. In: *Sustainable Development: The Challenge of Transition*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000, pp. 1–9.
- [7] Тойнби А.Дж. *Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве*. Москва, АСТ, 2009, 863 с.
- [8] Гумилев Л.Н. Почему я не согласен с Тойнби. В кн.: *Этногенез и биосфера Земли*. Москва, Айрис-Пресс, Рольф, 2001, 556 с.
- [9] Berg M. Global history: approaches and new directions. *British Academy Scholarship Online*, 2014, no. 26, pp. 436–438.
- [10] Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Большие вызовы XXI века. *Инновации*, 2020, № 2, с. 3–28.
- [11] Кузин Д.В. Стратегическое управление смыслами. *Экономические стратегии*, 2015, № 7, с. 176–183.
- [12] Рождественская С.М., Клочков В.В. Парадигма «больших вызовов» в системе стратегического планирования научно-технологического развития. *Россия: тенденция и перспективы развития*, 2017, № 12, с. 389–394.
- [13] Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Пантин В.И., Чернавский Д.С. Угрозы развитию России и задачи стратегического планирования. *Экономические стратегии*, 2015, № 7, с. 46–59.
- [14] Пантин В.И., Лапкин В.В. Основные сценарии дестабилизации и изменения мирового порядка. *История и современность*, 2024, № 1, с. 27–57.
- [15] Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Цивилизационные вызовы и системные проблемы отечественного социогенеза. Ч. 9. *Клио*, 2024, № 11, с. 256–265.

- [16] Латур Б. *Где приземлиться. Опыт политической ориентации*. Санкт-Петербург, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019, 220 с.
- [17] Болбот Е.А., Клочков В.В. Приоритеты инновационного развития: конкурентное преимущество и общие интересы. *Инновации*, 2011, № 6, с. 114–120.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Пржиленский И.В. Социально-философская экспликация больших цивилизационных вызовов. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 5. EDN HJIVLB

Пржиленский Игорь Владимирович — канд. соц. наук, доцент кафедры гуманитарных наук Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
e-mail: ivprzhilenskij@fa.ru

Socio-Philosophical Explication of Major Civilizational Challenges

© I.V. Przhilensky

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 125167, Russia

The concept of a “major challenge”, which in the contemporary socio-cultural context has become a legislatively established term in national strategic planning documents, was examined. The origins and development of the paradigm of strategic planning at national and civilizational levels are noted to be linked to responses to major challenges. The paradigm of major challenges makes it possible not only to identify the threats facing society but also to direct the historical dynamics of modernization processes toward the transformation of society. Conceptual approaches to the philosophical explication of the “major challenge” concept were analyzed, as well as their place in social, historical, and political theories. One of the concepts proposed by A. Toynbee, which led some authors to describe the “challenge-and-response” law, as it provides a framework for understanding why civilizations survive and actively develop under difficult conditions, only to eventually decline and perish, was examined. The rapid development of digital technologies is noted to have led nowadays not only to the emergence of virtual reality but also to an entire range of problems arising from its interaction with actual reality. A number of forward-looking forecasts of the development of the world order are presented, which make it possible to conclude that reflection on specific challenges is highly relevant for contemporary Russian philosophical thought as a basis for further expert discussion on national development. The position that Russia will occupy in the emerging world order will directly depend on its ability to identify, assess, describe, and implement responses to major challenges of both natural and anthropogenic origin.

Keywords: *major challenge, civilization, strategic development, clash of civilizations, challenge and response, digitalization*

REFERENCES

- [1] Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 28 fevralya 2024 g. N 145 “O strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii” [Decree of the President of the Russian Federation No. 145 of February 28, 2024 “On the strategy of scientific and technological development of the Russian Federation.”]. *Garant.ru* Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (accessed September 10, 2025).
- [2] Apresyan Y.D., ed. *Aktivniy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Active dictionary of modern Russian language]. In 3 vols. Vol. 2. Moscow, LRC Publ., 2014, 419 p.
- [3] Levontina I.B. *Russkiy so slovarev* [Russian with a Dictionary]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, 368 p.
- [4] Karasik V.I. *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Volgograd, Paradigma, 2007, 520 p.
- [5] Shakin P.V. Leksema vyzov v sovremennov russkom yazyke: rasshirenie semanticheskoy struktury [The lexeme вызов in the contemporary Russian language: the extension of semantic structure]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta — Izvestiya. Ural Federal University journal*, 2018, no. 3, pp. 125–135.

- [6] Schmandt J., Ward, C.H. Challenge and Response. In: *Sustainable Development: The Challenge of Transition*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000, pp. 1–9.
- [7] Toynbee A.J. *A Study of History*. Oxford University Press, 1934–1961 [In Russ.: Toynbee A. Issledovaniye istorii: tsivilizatsii vo vremeni i prostranstve. Moscow, AST, 2009, 863 p.].
- [8] Gumilev L.N. Pochemu ya ne soglasen s Toynbee [Why I disagree with Toynbee]. In: *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth]. Moscow, Iris-Press, Rolf, 2001, 556 p.
- [9] Berg M. *Global history: approaches and new directions*. British Academy Scholarship Online, 2014, no. 26, pp. 436–438.
- [10] Ivanov V.V., Malinetskiy G.G. Bolshie vyzovy XXI veka [Major challenges of the 21st century]. *Innovatsii (Innovations)*, 2020, no. 2, pp. 3–28.
- [11] Kuzin D.V. Strategicheskoe upravlenie smyslami [Strategic management of meanings]. *Ekonomicheskie strategii (Economic strategies)*, 2015, no. 7, pp. 176–183.
- [12] Rozhdestvenskaya S.M., Klochkov V.V. Paradigma “bolshikh vyzovov” v sisteme strategicheskogo planirovaniya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya [The paradigm of “major challenges” in the system of strategic planning of scientific and technological development]. *Rossiya: tendetsiya i perspektivy razvitiya (Russia: trends and development prospects)*, 2017, no. 12, pp. 389–394.
- [13] Grinin L.E., Malkov S.Yu., Pantin V.I., Chernavskiy D.S. Ugrozy razvitiyu Rossii i zadachi strategicheskogo planirovaniya [Threats to Russia’s Development and Strategic Planning Tasks]. *Ekonomicheskie strategii (Economic Strategies)*, 2015, no. 7, pp. 46–59.
- [14] Pantin, V.I., Lapkin, V.V. Osnovnie stsenarii destabilizatsii i izmeneniya mirovogo poryadka. Istoriya i sovremennost’ [Main scenarios of destabilization and changes in the world order]. *Istoriya i sovremennost’ (History and Modernity)*, 2024, no. 1, pp. 27–57.
- [15] Lapina I.Yu., Kargapoltsev S.Yu. Tsivilizatsionnye vyzovy i sistemnye problemy otechestvennogo sotsiogeneza [Civilizational challenges and systemic problems of domestic sociogenesis]. Part 9. *Klio*, 2024, no. 11, pp. 256–265.
- [16] Latour B. *Down to Earth: Politics in the new climatic regime*. Polity Press, 2018 [In Russ.: Latour B. Gde prizemlitsya. Opyt politicheskoy orientatsii. St. Petersburg, Izdatel’stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt Peterburge (European University Press in Saint Petersburg), 2019, 220 p.].
- [17] Bolbot E.A., Klochkoff V.V. Priority innovatsionnogo razvitiya: konkurentnoe preimushchestvo i obschie interesy [Innovation development priorities: competitive advantage and common interests]. *Innovatsii (Innovations)*, 2011, no. 6, pp. 114–120.

Przhilensky I.V., Cand. Sc. (Social Sciences), Associate Professor, Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation. e-mail: ivprzhilenskij@fa.ru